

УДК 322
DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-3-71-81

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL AND RELIGIOUS SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN POLITICAL STUDIES

Н. П. Романова,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
rik-romanova-chita@mail.ru

С. В. Кононов,
Дальневосточное высшее
общевоинское командное
училище им. Маршала Советского
Союза К. К. Рокоссовского,
г. Благовещенск
kononov7744@yandex.ru

М. С. Шевченко,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
m.s.shevchenko@mail.ru

Ю. С. Шевченко,
Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
djuliya1306@mail.ru

N. Romanova,
Transbaikal State
University,
Chita

S. Koponov,
Far Eastern Higher Combined Arms
Command School named after
Marshal of the Soviet Union K.K.
Rokossovsky

M. Shevchenko,
Transbaikal State
University,
Chita

Yu. Shevchenko,
Transbaikal State
University,
Chita

Сравняются концепции социальной безопасности регионов Российской Федерации, концепции «единства» и «региональности» регионального пространства страны. Авторы стремятся разрешить противоречие между концепциями, используя моделирование социальной безопасности Российской Федерации на основе принципа дополнительности и синтеза концепций «единства» и «региональности». Результатом исследования является формирование динамической модели социальной безопасности российских регионов, в рамках которой проходит процесс непрерывного конструирования нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего социума, а также социальных договоренностей, направленных на достижение коньюнкции в рамках социального пространства российских регионов. Кроме того, результатом явилось и определение социальной безопасности российских регионов как процесса, в котором в зависимости от ситуативного влияния объективных и субъективных факторов преобладают либо центробежные, либо региональные тенденции. Следующий результат работы – констатация того, что длительное время, несмотря на значительную разницу в цивилизационном разнообразии регионов, российское социальное пространство сохраняет целостность, что говорит о преобладании объединительных тенденций и отсутствии стремления у российских регионов к выходу из общероссийского социального пространства

Ключевые слова: социальная безопасность; российские регионы; безопасность регионов; социальное пространство; угрозы жизнедеятельности; регионализм; модель социальной безопасности; концепция «единства» регионов; концепция «региональности»

The article is devoted to an attempt to analyze and compare the concepts of social security of the regions of the Russian Federation, including the concept of “unity” and the concept of “regionality”. The authors of the article seek to resolve the contradiction between these concepts using the simulation of social security of the Russian Federation on the basis of the complementary principle and synthesis of the concepts of “unity” and “regional-

ty". The result of the article is the a dynamic model formation of social security of Russian regions, under which the process of continuous designing of regulatory and value ideas, instilled in the regional community, through the impact of its society surrounding it, as well as social agreements aimed at achieving conjunction within the social framework of Russian regions. The second result is to determine the social security of Russian regions, as a process in which, depending on the situational influence of objective and subjective factors, or centrifugal or regional trends are dominated. The third result is the statement of the fact that, for a long time, despite the significant difference in the civilization nature of the regions, the Russian social framework maintains integrity, which indicates the predominance of unifying trends and the absence of the desire among Russian regions to the exit from the All-Russian social space

Key words: *social security; Russian regions; safety of regions; social framework; vital activity; regionalism; social security model; concept of regions' "unity"; concept of "regionality"*

Ведение. Актуальность исследования социальной безопасности регионов России обусловлена необходимостью сохранения и устойчивости российского общества и обеспечения безопасности жизнедеятельности россиян. Под социальной безопасностью регионов России принято понимать характеристику качества жизнедеятельности общества, обеспечивающего каждому члену возможность реализации своего потенциала за счёт организации системы защиты от угроз материальному и духовному существованию. Реализации этого потенциала, как пишет И. Х. Хазиев, способствует комплекс разнообразных социальных мер, включающих военные, политические, экономические, экологические, научно-технические, информационные и иные действия, нацеленные на защиту человека, общества и его насущных, материальных, духовных и других жизненных интересов и ценностей [28, с. 107]. При этом существует проблема, которую отражают современные исследования социальной безопасности российских регионов в рамках российского социального пространства, которой является противоречие между социальной безопасностью в условиях региональной разнородности и в условиях общероссийского единства. Социальная безопасность российских регионов может пониматься либо как следствие защищённости их в рамках единого государственного социального пространства, либо как показатель их автономности по отношению к центральному государственному управлению [14].

Объектом исследования являются политологические исследования российских регионов. Предметом – аспекты социальной и религиозной безопасности в рамках политологических исследований российских регионов.

Цель исследования определяется необходимостью синтеза противопоставленных друг другу точек зрения на сущность социальной безопасности российских регионов, формирующейся под влиянием концепций «единства» или «региональности» российского социального пространства.

Методы исследования включают обращение к принципам сравнения, анализа и синтеза различных представлений, определяющих содержание социально-философских концепций безопасности российских регионов. В исследовании используется метод моделирования, дающий возможность проведения синтеза положений о социальной безопасности российских регионов в рамках концепций их «единства» и «региональности».

Степень исследованности. Социальная безопасность регионов является актуальным предметом исследований современной науки, в рамках которой разработаны государственные и региональные концепции явления. Социальная безопасность российских регионов в рамках российского социального пространства понимается как следствие защищённости их в рамках единого государственного социального пространства в трудах таких авторов, как О. А. Кармадонов, А. А. Горбунова, Э. В. Патраков, В. А. Тишков, В. Н. Шевченко, М. А. Никулина и др. В контексте концепции этих исследователей система социальной безопасности регионов страны представляется единой социальной структурой взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, развивающейся на основаниях, в качестве которых выступают базовые историко-культурные и духовные интересы и ценности россиян, вне зависимости от их национальной и социальной принадлежности.

Противоположную точку зрения, согласно которой российское социальное пространство подвержено влиянию дезинтеграции, разделяющей такие крупные территориальные подразделения, как Юг, Север, Восток и Запад, а также регионы – Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, – защищают А. Лифшиц, Г. Марченко, А. Пелипенко, Ю. Е. Раствор, С. Хенкин, В. Липицкий [15]. По их мнению, разделение среди российских регионов произошло по причине недоверия и взаимных претензий, сопровождающих процессы их противоречивого взаимодействия в рамках российского социального пространства. Кроме этого, на процессы дивергенции регионов, считают учёные, влияют взаимодействия с зарубежными приграничными территориями, которые оказывают существенное влияние на социальную ситуацию у своих российских соседей.

Результаты исследования. 1. Модель социальной безопасности российских регионов показывает многоуровневое и динамически меняющееся социальное пространство российских регионов, где взаимодействуют между собой различные народы и цивилизации, представляющие единство в рамках российской государственности. Структурно данное единство достигается за счёт установления строгой иерархии, в рамках которой социальное пространство регионов подчинялось решению задач, нацеленных на безопасное выживание региональных субъектов в рамках централизованного государства. По отношению к общероссийскому целому каждый из регионов сохранял определённую автономность, в рамках которой формировалась специфика социальной структуры каждого региона.

2. Социальная безопасность российских регионов в контексте динамической модели понимается как процесс, в котором в зависимости от ситуативного влияния объективных и субъективных факторов преобладают либо центробежные, либо региональные тенденции. С одной стороны, тенденцией, определяющей направленность развития социальной безопасности российских регионов, является интеграция, факторами которой, по мнению учёных, является православие, русский язык и усилия центральной государственной власти. С другой стороны, социальная безопасность российских регионов находится под влиянием тенденции, нацели-

вшей региональные группы на идеалы автономности, самостоятельности, локального сепаратизма. Причины – непрекращающиеся взаимодействия с иными цивилизациями, приводившими к появлению новых приграничных регионов, обладавших своей уникальной социальной структурой и условиями жизнедеятельности. На их самоопределение влияли дивергентность, культурная селективность, стремление к отделению, степень воздействия которых периодически актуализировалась в российской истории.

3. Социальная безопасность российских регионов, несмотря на влияние разнообразного социального и цивилизационного контекста, характеризующего содержание социального пространства российских регионов, формируется под влиянием объединительных тенденций, позволяющих констатировать существование единого ценностного ядра, которое объединяет различные части российского пространства. Основой социальной безопасности российских регионов является единство общей истории, языка, традиций управления. При этом современный потенциал социальной безопасности российских регионов имеет значительные перспективы для раскрытия в условиях, когда они осознают и созидают себя в качестве полноправных партнёров российского социального пространства.

Обсуждение результатов. Обоснование необходимости моделирования социальной безопасности российских регионов. Как показывает предварительный анализ, противоречие, которое существует между различными точками зрения на социальную безопасность регионов Российской Федерации, не решается в рамках используемой различными сторонами аргументации и эмпирического материала, так как связывается с апелляцией авторов к ценностным идеалам либо «единства», либо «региональности», понимаемыми в данном случае как несовместимые противоположности [21]. Поэтому представляется необходимым создание модели данного явления, в которой бы учитывалась как одна, так и другая точка зрения, а идеалы «единства» и «региональности» российских регионов не противопоставлялись, а дополняли друг друга. Таким образом, необходимость моделирования социальной безопасности регионов России определяется тем, что она представляет сложное явление,

выступающее элементом многоуровневой структуры российского социума, состоящего из различных регионов, стремящихся к состоянию защищённости человека и общества от социальных проблем в рамках социальной и информационной действительности [22, с. 210].

С учётом представленных проблем модель формирования социальной безопасности российских регионов должна носить многоуровневый и динамичный, то есть зависимый от изменяющихся условий, характер; включать описания действия пространственно-географического, исторического, политического и информационного факторов, влияние которых формирует объективные и субъективные условия, определяющие формирование российского социального пространства, где складывается структура безопасной жизнедеятельности российских регионов [16].

С одной стороны, в рамках этой модели в качестве факторов формирования социальной безопасности регионов выступают объективные природные, исторические и социальные условия, понимаемые в качестве «жизненного мира», с которым человек и региональное сообщество вступают в экзистенциальные отношения. «Жизненный мир» региона представляет «региональный социум», структура которого включает материальный, духовный, художественный, этнический, традиционный, инновационный структурные уровни, содержащие региональные интересы и ценности, угрозы которым требуют разработки мер, нацеленных на обеспечение защиты их жизнедеятельности [2, с. 37].

Моделирование социальной безопасности российских регионов. Под социальной безопасностью российских регионов в данном случае понимается исторически сложившееся состояние жизнедеятельности регионального социума, социальная структура которого способна на высоком уровне обеспечивать жизненные потребности индивида, общества, самого региона. Таким образом, модель социальной безопасности российских регионов представляет собой структуру социальных отношений, создающих определённый социальный порядок и потенциал, являющийся условием, необходимым для безопасной жизнедеятельности регионального социума и индивида [5, с. 67].

Моделирование социальной безопасности российских регионов показывает, что каждый из них располагает своим социальным потенциалом, при определённых условиях преобразующимся в социальный капитал. Уровень указанной реализации может рассматриваться как показатель степени социальной безопасности жизнедеятельности регионального населения, представляющего исторически сложившиеся социальные общества, характеризующиеся специфическими особенностями идентичности и жизнедеятельности людей, заселяющих данную территорию. Региональные сообщества обладают специфическим этническим и конфессиональным составом, формирующими специфическую социальную структуру регионального производства, социального устройства, качества жизни и других показателей безопасной жизнедеятельности [2, с. 40].

С другой стороны, согласно представленной модели, значительное влияние на формирование и становление социальной безопасности региона оказывают нормы и ценностные представления, которые распространяются среди индивидов в обществе посредством воспитания и воздействия окружающей среды, то есть социума, являющегося основой «жизненного мира» и дающего оценку степени своей защищённости [6; 8]. Поэтому существенное значение для конструирования модели социальной безопасности региона имеет анализ информационных внешних воздействий, представленных глобализационным, государственным, зарубежным влиянием, стремящимся к включению социального пространства региона в свои ареалы. Представление об информационных угрозах помогает составить анализ формирования региональных интересов, конструирование и мобилизация которых проходит в рамках взаимодействия дискурсов, представляемых властным, то есть политико-административным и региональным, выражавшим точку зрения региональных социальных групп, подходами. Важно, что модель предполагает учитывать влияние, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая, обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения природы,

человека, общества и мира, придающим ему единство и системность [7].

Взаимодействие указанных тенденций в рамках предлагаемой модели является источником непрерывного конструирования нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего социума, а также социальных договорённостей, направленных на достижение конъюнкции в рамках регионального социума. Предлагаемая методика разрабатывает видение социального пространства региона как единства, в котором объединены социальная, коммуникативная и функциональная сферы, влияющие на восприятие и оценку «жизненного мира» в рамках социального сознания региона [9, с. 98].

В качестве наиболее значимого фактора становления социальной безопасности региона здесь признаётся его социальное пространство, где протекает диалог между региональными социальными группами. Социальное пространство региона представляется в образе объективно существующей и информационной сферы, в рамках которой формируется порядок социального взаимодействия. Существенную роль в данном процессе играет социальное и информационное взаимодействие, в результате чего возникают условия, характеризующиеся формированием самооценки регионального сообщества в отношении условий своего существования [8].

В реальности российской региональной истории, которую представляет авторская модель социальной безопасности регионов, формирование этой характеристики социального пространства российских регионов связывается с процессами взаимодействия различных народов, которые, несмотря на различия, составляют единую российскую цивилизацию. Согласно данной модели, это состояние достигалось в результате реализации проектов распространения государственного влияния среди региональных групп, убеждаемых в правоте и перспективности проекта, затеваемого верховной властью. Структурно единство социального пространства страны достигалось за счёт установления строгой иерархии, подчиняющей социальное пространство регионов решению задач, нацеленных на совместное выживание региональных субъектов. По от-

ношению к общероссийскому целому каждый из регионов сохранял определённую автономность, в рамках которой формировалась специфика социальной структуры каждого региона [30].

Тенденции развития и трансформации системы социальной безопасности российских регионов. Социальная безопасность российских регионов в контексте данной концепции понимается как процесс, в котором в зависимости от ситуативного влияния ряда объективных и субъективных факторов преобладают либо центробежные, либо локально-региональные тенденции. В частности, первоначально на стадии консолидации русского этноса, фактором формирования единства социального пространства была необходимость выживания в суровых природных условиях, которая определила общинный характер образа жизни, способствующий защите от жизненных трудностей, что стало основой таких характеристик социальной жизни россиян, как непримятательность, выносливость, открытость к взаимодействию. Эти особенности повлияли на то, что на следующей стадии, связанной с появлением и усилением влияния крупных региональных пространств вне первоначальной территории расселения русских, включая восточные и западные регионы, российское социальное пространство открылось для проникновения инородных элементов. Так, геополитическое положение Российской империи стало фактором, повлиявшим на противоречивое содержание социального пространства регионов, в рамках которого взаимодействовали различные народы [20, с. 651].

С одной стороны, тенденцией, определяющей направленность развития регионов в рамках российского государства, стала интеграция, факторами которой, по мнению учёных, является православие, русский язык и усилия центральной государственной власти. Например, согласно И. А. Киреевскому, В. О. Ключевскому, О. А. Платонову, православная религия специфически структурирует российское социальное пространство, наполняя его своими символами и образами, общность восприятия которых влияет на осознание своего единства не только в духовной, но и в хозяйственной и социальной жизни. В рамках этой концепции А. В. Терещенко, К. С. Аксаков, К. Д. Кавелин и другие отмечают вклад государства в формирование

социальной безопасности регионов посредством синтеза духовности, нравственности, православия, соборности, державности и веры в особую роль российской государственности [10].

С другой стороны, тенденция, нацеливающая российское общество на интеграцию в социальном пространстве страны, практически всегда сталкивалась со своей противоположностью, которая нацеливала региональные группы на идеалы автономности, самостоятельности, локального сепаратизма [23]. Причиной были непрекращающиеся взаимодействия с иными цивилизациями, приводившими к появлению новых приграничных регионов, обладавших своей уникальной социальной структурой и условиями жизнедеятельности. Выделению регионов способствовали такие факторы, как дивергентность, цивилизационная селективность, стремление к расколу, влияние которых периодически актуализировалось в российской истории. Как считает А. А. Пелипенко, в условиях современности к этим факторам добавилось влияние модернизации, которая привела к развитию рыночного эгоизма, являющегося стимулом процессов экономического и политического разделения [24].

Эта тенденция становится более явственной в периоды, когда связь духовно-идейного и государственно-административного факторов приходила в состояние кризиса, способствующего распаду социального пространства страны [1]. Например, социальное пространство российских регионов в 90-х гг. XX в. характеризовалось конфликтами интересов и многочисленными столкновениями между региональными элитами, часть которых заявляла о наличии угрозы региональным интересам со стороны федеральных властей. С другой стороны, на уровне общественного сознания страны появилось осознание того, что угроза внутреннему единству страны исходит от усиливающих свои позиции приграничных регионов, что приводило к исключению их из общероссийского социального пространства и формированию новых цивилизационных сообществ [11].

В этот период в российском обществе сформировалось критическое отношение к усилению тенденций, вызванных развитием региональных образований, которое связывалось с опасениями в отношении политики

местных элит, использующих региональные проблемы как повод для критики центральных властей, навязывающих регионам единство в качестве искусственного образования [12]. Выход виделся в укреплении «оси власти», организующей социальное пространство страны согласно иерархии, ориентированной на центральную власть, обеспечивающую социальное пространство регионов стремлением к интеграции. Поэтому с конца 90-х гг. XX в. граждане страны стали поддерживать политику, нацеленную на укрепление единства России [26, с. 55].

Важнейшим фактором формирования современного социального пространства российских регионов, по мнению В. Н. Шевченко, является государственная власть, направляющая свои усилия на организацию обеспечения единства социальных пространств российских регионов и повышения эффективности их управления [29]. В результате социальная безопасность регионов стала пониматься исключительно как защищённость общероссийских интересов. В качестве единственного устойчивого национального символа, поддерживающего единство страны, выступает столица [19, с. 56]. Обратной стороной этого процесса является ограничение ряда социальных прав регионов, чьё стремление к самоопределению, автономии и индивидуальности в рамках российского социального пространства игнорируется [4, с. 42]. Здесь важно отметить, что подавление стремления регионов к саморазвитию и внутренней целостности не представляется возможным в современных условиях, когда страна пережила влияние многонациональности, поликультурности и поликонфессиональности, в результате чего широко распространилось такое явление, как толерантность, характеризующее восприятие социальных отличий образа жизни населения разных регионов [17, с. 130].

Несмотря на усиление нивелирующего влияния центра, каждый регион продолжает сохранять свою систему социальной безопасности. Причиной этого является то, что у современного социального пространства российских регионов не может быть простого единообразия, нацеленного на общий образец, так как оно внутренне многомерно [25]. Структура российского социального пространства представляет сложный и неповторимый набор региональных традиций

и социальных устоев, отличающийся специфическими характеристиками. Они заключаются в том, что каждый регион является уникальным социальным пространством, так как обладает индивидуальным социально-экономическим потенциалом и находится в процессе многопланового межрегионального взаимодействия с другими регионами и странами, включающими экономические, социальные и экологические аспекты [3, с. 745].

Здесь возникает проблемный вопрос о том, какую угрозу представляют современные процессы развития социального пространства регионов для целостности государства [7, с. 49]. Возможно ли, чтобы процессы развития социального пространства регионов были направлены не только на автономизацию региональной жизни, но и на укрепление общероссийского социального пространства?

На наш взгляд, необходимо иметь в виду, что в течение длительного процесса формирования социального пространства России входящие в него регионы испытывали влияние различных факторов, соотношение которых менялось от преобладания интегральных тенденций к преобладанию региональных ценностей. Колебания курса развития социальных систем регионов в связи с этим приобретали циклический характер, находясь в рамках традиционных российских интересов и ценностей, являющихся основой российского православно-государственного типа цивилизации. Однако, каким бы ни был уровень усиления или ослабления интегративных тенденций, развитие российских регионов традиционно нацеливается на тесное сотрудничество с русским народом и созданной им цивилизацией [29]. При этом важным является развитие современной системы взаимодействия российских регионов, в рамках которой создаётся модель социальной безопасности регионов, основанная на качественно более высоком уровне интегративного взаимодействия, фундаментом которого является максимально высокая степень осознания необходимости коллaborации регионов во имя общего выживания и процветания [13].

В частности, контекст произведений А. Э. Мурзина [18] показывает, что социальное пространство российских регионов не является лоскутным искусственным образо-

ванием, а сформировано на основании объединяющего ценностного фундамента, представляющего собой идею о необходимости управления и покровительства со стороны российского государства, а также православия. При этом российское государство заинтересовано в организации взаимодействия с иными цивилизациями, представляющими региональное пространство России [27]. Причиной является то, что состояние социальной защищённости регионов во многом определяется взаимодействием, проходящим в рамках социального пространства страны, которое чаще всего не характеризуется крайностями раздробленности или единства, а находится в фазе перехода от одной крайней точки к другой. В данном взаимодействии преобладают интегративные тенденции, так как, несмотря на многоликость регионального контекста и сохранения регионами своих характеристик и особенностей, на протяжении длительного периода российское социальное пространство сохраняет свою целостность, что указывает на доминирование интегративных тенденций развития социальной безопасности регионов и отсутствия их стремления к разрыву отношений с общероссийским социальным пространством.

Заключение.

1. Моделирование социальной безопасности российских регионов показывает, что стремление региональных сообществ к защите региональных социальных ценностей не представляет собой угрозы для безопасности общероссийского социального пространства, так как достигнутый уровень взаимозависимости и взаимодействия представляет устойчивое системное единство. Это подтверждается регионоведческими исследованиями, фиксирующими, что в рамках общероссийского социального пространства существует тесное взаимодействие между составляющими его социальными пространствами регионов. Это показывает, что, несмотря на наличие существенных различий, российские регионы создают единую социальную систему безопасной жизнедеятельности – основу общероссийского ценностного ядра.

2. Содержанием этих ценностных представлений является восприятие регионами себя в качестве элементов российского социального пространства. Несмотря на пери-

одической актуализацию тенденций, связанных с процессами регионализации, единство российского социального пространства существует уже сотни лет, сохраняя традиции и преемственность в функционировании системы социальной безопасности регионов, основой которой являются сформированная в рамках общероссийских традиций региональная история, система традиций, языка, форм управления, связывающиеся с влиянием такого фактора, как сильная центральная власть, функция которой – обеспечение безопасности жизнедеятельности и совместного социального развития.

3. Анализ динамики социальных отношений в рамках модели социальной безопасности российских регионов позволяет спрогнозировать картину развития социального пространства российских регионов, которые в условиях современности подчиняются строгой иерархии, установленной центральной властью, однако в будущем могут перейти к модели взаимодействия между регионами и властью, выстроенной на равноправных началах, когда региональные сообщества могут осознать и реализовать себя в качестве полноправных партнёров единой социальной системы российских регионов.

Список литературы

1. Аверьянов В. В. Империя и воля: монография. М.: Изборский клуб: Книжный мир, 2014. 384 с.
2. Горбунова А. А., Борисова О. В., Максимова С. Г. Социальная безопасность приграничных регионов России // Политика и Общество. 2019. № 1. С. 36–45.
3. Данилова З. А. Социальная безопасность региона: уровень угроз и тревожности населения // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 5. С. 745–752.
4. Дроздова Ю. А., Лысенко Г. В. Полиэтничный регион в современном исследовательском дискурсе // Власть. 2017. № 10. С. 41–46.
5. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4. С. 66–71.
6. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
7. Жуков А. В., Жукова А. А. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 1. С. 120–128.
8. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–136.
9. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкальского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1. С. 54–58.
10. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2. С. 10–15.
11. Жуков А. В., Жукова А. А., Власова К. Е. Возрождение национальной культуры и процессы миграции среди немцев в Забайкальском крае // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 87–96.
12. Жуков А. В., Кондакова Н. С., Шевченко М. С. Современная религиозная ситуация на территории Забайкальского края (по материалам социологического исследования) // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 4. С. 102–110.
13. Кармадонов О. А. Проблемы социального воспроизведения современного российского общества: региональный аспект // Материалы Второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 97–104.
14. Лившиц А., Новиков А., Смирнягин Л. Региональная стратегия России // Регион: экономика и социология. 1994. № 3. С. 27–56.
15. Липицкий В. Между Сциллой, Харибдой и Сибирью // Дружба народов. 1997. № 1. С. 125–126.
16. Марченко Г. Какую Россию мы обретаем? // Октябрь. 1995. № 2. С. 146–147.
17. Массеров Д. А., Кустов М. В. Формирование региональной политики устойчивого развития в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 8. С. 128–136.
18. Мурзин А. Э. Уральская толерантность. Культура межнационального единства в регионе: монографический очерк. Екатеринбург: Веста, 2016. 124 с.

19. Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 56–67.
20. Небренчин С. М. Историко-культурное измерение современной идеологии российского государства // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. С. 650–654.
21. Никулина М. А., Колодиев М. Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // Манускрипт. 2017. № 4. С. 153–157.
22. Ноянзина О. Е. К концептуализации понятия «социальная безопасность» региональных социумов // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1. С. 209–213.
23. Патраков Э. В., Шапошникова Ю. С., Фефелов В. А. Социальная ответственность гражданского общества: управление рисками в обеспечении безопасности детства // Молодежная политика и гражданское общество в современной России: сб. материалов науч.-практ. конф. Ростов н/Д.: Содействие – ХХI век, 2014. С. 104–111.
24. Пелипенко А. А. Штрихи к портрету постсовременности // Вопросы социальной теории. 2019. Т. III, вып. 1. С. 318–339.
25. Раствор Ю. Е. Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 46–48.
26. Соболев И. В., Чубарова Т. В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // Экономическая наука современной России. 2017. № 3. С. 55–70.
27. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания: монография. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Наука, 2013. 649 с.
28. Хазиев И. Х. Понятие социальной безопасности: логико-методологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 101–107.
29. Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М.: Изд-во РАН, 2016. 122 с.
30. Zhukov A., Bernykevich T. Religious security of the Russian Federation as reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10003.

References

1. Averyanov V. V. *Imperiya i volya: monografiya* (Empire and Will: monograph). Moscow: Izborsky Club: Knizhnymir, 2014. 384 p.
2. Gorbunova A.A., Borisova O.V., Maksimova S.G. *Politika i Obshchestvo* (Politics and Society), 2019, no. 1, pp. 36–45.
3. Danilova Z. A. *Russian Journal of Education and Psychology* (Russian Journal of Education and Psychology), 2015, no. 5, p. 745–752.
4. Drozdova Yu. A., Lysenko G. V. *Vlast* (Power), 2017, no. 10, pp. 41–46.
5. Zhukov A. V. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice), 2017, no. 12-4, pp. 66–71.
6. Zhukov A. V. *Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoy religioznosti naseleniya Baykalskogo regiona: dis. ... dokt. filos. n.*: 09.00.14 (Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: dis. ... doctor of Philosophy: 09.00.14). Chita, 2011, 372 p.
7. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2014, no. 1, pp. 120–128.
8. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 2, pp. 129–136.
9. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice), 2014, no. 3-1, pp. 54–58.
10. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2011, no. 2, pp. 10–15.
11. Zhukov A. V., Zhukova A. A., Vlasova K. E. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya, Religiovedenie* (News of the Irkutsk State University. Series “Political Science. Religious studies”), 2015, vol. 11, pp. 87–96.
12. Zhukov A. V., Kondakova N. S., Shevchenko M. S. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2011, no. 4, pp. 102–110.
13. Karmadonov O. A. *Materialy Vtorogo Baykalskogo nauchnogo sotsiologicheskogo simpoziuma* (Materials of the Second Baikal Scientific Sociological Symposium), 2015, pp. 97–104.
14. Livshits A., Novikov A., Smirnyagin L. *Region: ekonomika i sotsiologiya* (Region: Economics and Sociology), 1994, no. 3, pp. 27–56.

15. Lipitsky V. *Druzhbanarodov* (Friendship of peoples), 1997, no. 1, pp. 125–126.
16. Marchenko G. *Oktyabr* (October, 1995, no. 2, pp. 146–147.
17. Masserov D. A., Kustov M. V. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2018, vol. 24, no. 8, pp. 128–136.
18. Murzin A. E. *Uralskaya tolerantnost. Kultura mezhnatsionalnogo edinstva v regione: monograficheskiy ocherk* (Ural tolerance. Culture of interethnic unity in the region: a monographic essay). Yekaterinburg: Vesta, 2016, 124 p.
19. Narutto S. V. *Aktualnye problem rossiyskogo prava* (Actual problems of Russian law), 2017, no. 9, pp. 56–67.
20. Nebrenchin S. M. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* (Russia: trends and prospects of development), 2017, pp. 650–654.
21. Nikulina M.A., Kolodiev M.Yu. *Manuskript* (Manuscript), 2017, no. 4, pp. 153–157.
22. Noyanzina O. E. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Altai State University), 2013, no. 2-1, pp. 209–213.
23. Patrakov E.V., Shaposhnikova Yu.S., Fefelov V.A. *Molodezhnay apolitika i grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoy Rossii: sbornik materialov Nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Youth policy and civil society in modern Russia: collected materials of the scientific and practical conference). Rostov N. / D.: Assistance - XXI century, 2014, pp. 104–111.
24. Pelipenko A. A. *Voprosy sotsialnoy teorii. 2019* (Questions of social theory), 2019, vol. III, issue 1, pp. 318–339.
25. Rastov Yu. E. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological researches), 1996, no. 6, pp. 46–48.
26. Sobolev I. V., Chubarova T. V. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* (Economic science of modern Russia), 2017, no. 3, pp. 55–70.
27. Tishkov V. A. *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsionalnogo samosoznaniya: monografiya* (The Russian people: history and meaning of national self-consciousness: monograph). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay RAS: Nauka, 2013, 649 p.
28. Khaziev I. H. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* (Central Russian Bulletin of Social Sciences), 2014, no. 3, pp. 101–107.
29. Shevchenko V. N. *Rossiya kak gosudarstvo – tsivilizaciya: monografiya* (Russia as a state-civilization: monograph). Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2016. 122 p.
30. Zhukov A., Bernyikevich T. *MATEC Web of Conferences. electronic edition* (MATEC Web of Conferences. electronic edition), 2018, p. 10003.

Коротко об авторах

Романова Нелли Петровна, д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, деловые коммуникации, управление человеческими ресурсами vgromanow@yandex.ru

Кононов Сергей Викторович, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия. Область научных интересов: философия, этнография, проблемы национальной безопасности, региональная культура приграничья, российско-китайское приграничье
kononov7744@yandex.ru

Шевченко Михаил Сергеевич, канд. филос. наук, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: проблемы философии управления, государственная безопасность, региональная безопасность, социальная безопасность, управление безопасностью, проблемы трансграничья, приграничья, межгосударственного взаимодействия
m.s.shevchenko@mail.ru

Шевченко Юлия Сергеевна, аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: проблемы философии управления, государственная безопасность, региональная безопасность, социальная безопасность, управление безопасностью, проблемы трансграничья, приграничья, межгосударственного взаимодействия
djuliya1306@mail.ru

Briefly about the authors

Nelly Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, business communications, human resources management

Sergey Kononov, candidate of philosophical sciences, senior teacher, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky, Blagoveshchensk, Russia. Sphere of scientific interests: philosophy, ethnography, problems of national security, regional culture of borderlands, Russian-Chinese borderlands

Mikhail Shevchenko, candidate of philosophical sciences, applicant for the scientific degree, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: problems of philosophy of management, state security, regional security, social security, security management, problems of cross-border areas, border areas, interstate interaction

Yuliya Shevchenko, applicant for the scientific degree, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: problems of philosophy of management, state security, regional security, social security, security management, problems of transboundary, borderlands, interstate interaction

Образец цитирования

Романова Н. П., Кононов С. В., Шевченко М. С., Шевченко Ю. С. Концептуализация социальной и религиозной безопасности регионов Российской Федерации в политологических исследованиях // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 71–81. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-3-71-81.

Romanova N., Kononov S., Shevchenko M., Shevchenko Yu. Conceptualization of social and religious security of the Russia Federation in political studies // Transbaikal State University Journal, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 71–81. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-3-71-81.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2021 г.
Статья принята к публикации: 30.03.2021 г.